

18+

ДЕНИС ЛЕНСКИЙ

АЛГОРИТМЫ, ИЛИ ошибка в коде

концептуальная фантазия

Денис Ленский
Денис Ленский. Алгоритмы,
или Ошибка в коде.
Концептуальная фантазия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70561540
ISBN 9785006277656*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В Матрице Возможных Событий, в тесном переплетении прошлого с настоящим, проистекает человеческая жизнь. Как формируется наше будущее? Оно предначертано свыше, им управляет кто-то специально обученный или простые люди могут быть творцами собственного будущего? В обычном зеркале мы видим лишь отраженную реальность. А что находится там, в Зазеркалье, за гранью реальности, могут увидеть люди, обладающие не только фантазией, но и определённой мерой нравственности. Этому нужно учиться всю жизнь.

Содержание

Пролог	5
17 мая 1991 года	6
Глава 1. Ключ	11
6 августа 1982 года	12
Глава 2. Зазеркалье	29
Глава 3. Время разбрасывать камни	40
Глава 4. На одной волне	60
Глава 5. Михалыч	80
11 ноября 1982 года	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Денис Ленский.
Алгоритмы, или
Ошибка в коде
Концептуальная фантазия

Денис Ленский

© Денис Ленский, 2024

ISBN 978-5-0062-7765-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Эта книга посвящается человеку, благодаря которому
многие люди смогли по-новому взглянуть на Мир – Владими-
ру Михайловичу Зазнобину.*

Пролог

Предиктор (от англ. predictor «предсказатель») – термин, используемый в различных системах управления для описания процессов прогнозирования.

17 мая 1991 года

Зайдя в свой новый кабинет загородной резиденции, Михаил Сергеевич Горбачёв уселся за рабочий стол и первым же делом стянул ужасно неудобные туфли. Откинувшись на спинку эргономичного кресла, которое врачи настоятельно ему рекомендовали, он с облегчением вытянул ноги и пошевелил онемевшими пальцами. В совершенно новом кабинете, где только недавно сделали ремонт, почему-то пахло подвальной сыростью. Встав из-за стола, прямо в носках он проследовал через весь кабинет, отодвинул тяжёлую штору и резким движением распахнул окно. Весенний воздух ворвался в комнату, вытесняя оттуда накопившуюся затхлость. Сидевшая на террасе Раиса Максимовна оторвалась от книги и подняла голову.

– Ты уже вернулся? Как прошло совещание?

– Нормально, потом расскажу. Мне нужно немного поработать. Не возражаешь?

– Ты обедал? – заботливо спросила жена.

Этот вопрос почему-то вызвал у Горбачёва раздражение.

– Я не голоден, – сухо ответил он и, смягчившись, добавил: – Давай чуть позже попьём чайку, а сейчас я немного поработаю.

Раиса Максимовна кивнула и сделала лёгкое движение рукой, словно отпускала Президента немного поработать.

Он вернулся к столу, сел в кресло и снова принялся. Открытое окно не помогло – в кабинете всё ещё чем-то пахло. Горбачёв покосился на туфли. Нет, туфли совершенно новые, и странный запах исходит явно не от них. Он вспомнил этот запах. Так пахло в старой часовне, переделанной колхозниками под лесопильный склад, куда он ещё пацаном лазил со своими ставропольскими друзьями, когда они играли в войну.

Тяжело вздохнув, Горбачёв взял папку с бумагами, подготовленную его помощником по международным делам, и хотел было углубиться в чтение, но его внимание привлекла тёмно-синяя папка-скоросшиватель, которой он никогда раньше не видел. Она лежала чуть сбоку на той же тумбочке для срочных документов, и Горбачёв был уверен, что два часа назад этой довольно объёмной папки там не было. Может кто-то её забыл? Интересно, когда? И самое главное – КТО? Горбачёв нажал кнопку нового селектора.

– Илья, кто был в кабинете в моё отсутствие? – спросил он, пригнувшись к микрофону.

В динамике что-то щёлкнуло, и голос секретаря несколько растерянно произнёс:

– Никого, Михаил Сергеевич. Что-то случилось?

– Нет, всё нормально, Илья. Минут через двадцать организуй нам с Раисой Максимовной чай. Мне с лимоном, как обычно.

– Хорошо, Михаил Сергеевич. Что-нибудь ещё?

– Нет, спасибо, – ответил Горбачёв. «Интересно, откуда в таком случае эта папка?» – подумал он.

Отложив международные дела в сторону, он стал рассматривать дешёвую папку из прессованного картона и вспомнил инструкцию 9-го Управления КГБ, строго запрещающую брать в руки, открывать и даже находиться рядом с любыми папками, неизвестно как попавшими в рабочий кабинет Президента. Немного поколебавшись, он не удержался и всё-таки взял её в руки.

На ощупь папка была тёплой. На титульном листе крупным жирным шрифтом в три ряда было написано: «Целебная вода. Концепция общественной безопасности. Внутренний Предиктор СССР». И в самом низу помельче: «Державный град Китеж». Горбачёв недовольно скривился и отложил папку в сторону, после чего понюхал руки. Никакого запаха не было.

– Рая, – громко окликнул он жену, – не знаешь, что означает слово «предиктор»?

– Предиктор? – Раиса Максимовна задумалась всего лишь на секунду. – Это существительное, неологизм, образованный от слова «диктор». Приставка «пре» в данном случае, вероятней всего имеет значения «до», «перед началом». Возможно это суфлёр? А почему ты интересуешься?

«Какой ещё суфлёр? Мало у меня своих суфлёров?» – раздражённо подумал Президент и, словно испугавшись, что жена прочтёт его мысли, поспешно ответил:

– Да так, ерунда, в одной статье попало. Спасибо, мой генерал.

Он иногда называл жену генералом, чтобы польстить ей и подчеркнуть её значимость. А для окружающих это выглядело милой шуткой. Он снова взял папку и начал перелистывать сухие, как пергамент, страницы с распечатанным на матричном принтере текстом. Вероятнее всего, в его руках был печатный вариант рукописи какой-то книги. Он бегом пробежал преамбулу, в которой говорилось о достоянии русской культуры, об авторских правах, о мистике, выходящей за пределы юриспруденции. Всё это было настолько непривычно, что Горбачёв недовольно поморщился.

Какая к чёрту концепция? Один из помощников Президента докладывал, что некие умники придумали свою «концепцию глобализации», которая якобы должна объединить все народы мира вне зависимости от их национальных культур и ошибок исторического прошлого. Кроме того, он вспомнил недавний доклад гебешников про директиву Совета Национальной Безопасности США, якобы направленную на развал СССР. Но мнения специалистов разделились: кое-кто считал, что это банальный информационный вброс, правда, некоторые отнеслись к этому вопросу серьёзно.

Разбираться со всем этим, тем более вникать в суть каких-то сомнительных директив и концепций было совершенно некогда. Союзе разваливался буквально на глазах: война в Осетии, война в Карабахе, прибалты отделились,

за ними грузины. Ко всему ещё и Борис воду мутит со своим референдумом. Наверняка и мартовский митинг на Манежной за отставку президента был организован с его подачи, да и шахтеры на рельсах...

В этот момент раздался непривычно резкий сигнал селектора. Президент вздрогнул от неожиданности и нажал кнопку.

– Михаил Сергеевич, к вам академик Яблонский, – донеслось из динамика.

Горбачёв поморщился.

– Раиса, это ты пригласила Яблонского? – спросил он громко, а про себя подумал: «Или этот выскочка сам припёрся?»

– Да, Миша, Георгий только что вернулся из Лондона, и я решила, что тебе будет полезно с ним встретиться.

«Конечно полезно, кто бы сомневался? Никакого вреда, кроме пользы!» – зло подумал Горбачёв.

– Спасибо, Раиса. – Повернувшись к селектору, он снова нажал кнопку. – Передайте Георгию Алексеевичу, пускай заходит.

Пошарив под столом ногами, он нашёл свои модные туфли и принялся их натягивать, мысленно чертыхаясь и проклиная всё на свете.

Глава 1. Ключ

Случается, что, желая спрятать вещь, снимают доску со стола или другой подобной мебели, выдалбливают в ножке углубление, прячут туда вещь и помещают доску на старое место. Для той же цели служат иногда ножки кроватей.

Эдгар А. По

6 августа 1982 года

Эта необычная история началась с того, что Алекс Ковалёв, программист одного из ленинградских КБ, вернулся из очередной командировки. В этот же день он должен был снова уезжать, и у него было несколько часов между поездами, чтобы передохнуть и взять кое-какие вещи для предстоящей работы. Но попасть в свою квартиру на улице Рубинштейна, где он проживал вместе с младшим братом, ему не удалось. Выяснилось, что он умудрился где-то потерять ключ от входной двери, а брата, как назло, дома не оказалось.

Почесав затылок, Алекс спустился на пролёт между этажами и прямо на подоконнике разложил всё содержимое дорожной сумки. Ключа не было. На всякий случай он даже снял и перетряхнул старенькие потёртые кроссовки – безрезультатно.

Ждать брата бессмысленно – двадцатилетний юноша, вкусивший все прелести студенческой жизни, мог сутками не появляться дома. Что же делать? Не ломать же в самом деле дверь, тем более, что это не так уж просто сделать? Может попытаться проникнуть в квартиру через соседний балкон? Плохой вариант. И тогда Алекс решил потряхнуть стариной.

Он постарается вспомнить, чему его учили на лекциях по объектной материализации, и прямо здесь и сейчас материализует дубликат ключа по памяти. По крайней мере, по-

пытается это сделать. Риска никакого, а при успешном исходе у него окажется полноценный дубликат, которым можно будет не только отпереть дверь, но и запереть её перед уходом, если брат к тому времени ещё не вернётся.

Однако главная проблема заключалась в том, что материализацией вещественных объектов он не занимался несколько лет, а «обмат» – так они в студенчестве называли пожалуй самый сложный предмет на кафедре визуализации и материализации, всегда давался Алексу с огромным трудом. И через двадцать минут он понял, что переоценил свои возможности – те скромные навыки, которыми он когда-то обладал, похоже, утеряны безвозвратно. Нет, с памятью у него всё было в полном порядке – и расположение зубчиков, и бороздки на ключе он помнил до мельчайших подробностей. И трёхмерная визуальная копия ключа была почти идеальной. Но визуальным образом замок не откроешь, а те нелепые подобию дверных ключей, которые появлялись на подоконнике в результате материализации, выглядели настолько халтурно, что их стыдно было даже брать в руки, не то что совать в замочную скважину.

Алекс вздохнул и устало закрыл глаза. Ну что же, не всем дано. Тимур Геворкян, к примеру, подобную задачу решил бы одним щелчком пальцев, а Михалыч даже без щелчка, одним движением брови. Магистры, они могут и не такое. Но зато им никогда не придумать образ гномика Кеши, забавного персонажа, которого Алекс когда-то визуализи-

зировал для младшего братишки, лежавшего дома с ангиной. Случайность это или нет, но после Кеши братик сразу пошёл на поправку. Способность включить выдумку и фантазию тоже дана не всем, и по многомерной визуализации в Китежградском информационном институте у Алекса всегда было «отлично». Он с лёгкостью мог визуализировать самые смелые технические идеи, которые потом находили своё материальное воплощение в умелых руках кбшных технологов и инженеров. Прижавшись спиной к прохладным кирпичам оконного проёма, он с улыбкой вспоминал, как прямо здесь, во дворе своего дома, где сейчас стучат костяшками доминошники, визуализировал в пять раз уменьшенную копию сверхзвукового стратегического бомбардировщика. Это происходило глубокой ночью, когда все спали. Все, кроме вечно не пересыхающего соседа, который стал невольным свидетелем этого чуда. После этого он бросил пить. Визуализация – мощный инструмент.

Но всё это лирика. Проза жизни состояла в том, что ему, магу третьей степени, Алексею Ивановичу Ковалёву так и не удалось материализовать малюсенький ключ от дверного замка собственной квартиры. Он уже начал придумывать алгоритм спуска по верёвке с верхнего балкона, как из открытого окна дома напротив донесли фортепианные аккорды. Алекс тут же сообразил, что это значит, и стал поспешно складывать вещи обратно в сумку.

В доме напротив жил молодой оболтус по прозвищу Фа-

гот, с которым его младший брат Полуэкт Иванович Ковалёв учился в «бонче», институте связи имени Бонч-Бруевича. Несколько лет назад Фагот со своими приятелями организовал в этом доме что-то наподобие студии звукозаписи, где они стали частенько устраивать музыкальные тусовки.

Дело было так. Родители Фагота переехали в один из новых ленинградских спальных районов, а старую квартиру неосмотрительно оставили на попечение своего любимого отпрыска. А тот, воспользовавшись предоставленной свободой, первым делом превратив родительскую квартиру в общагу. Не простую общагу, а музыкальную – он стал сдавать одну из комнат своим знакомым, студентам консерватории имени Римского-Корсакова. Сюда, как магнитом, потянуло разнообразных питерских музыкантов, как профессионалов, так и самоучек, а также простых любителей современной музыки. Вся эта околomuзыкальная суета вокруг некогда тихой и спокойной квартиры, которую тут же окрестили «студией Фагота», стала раздражать большинство соседей, но в конце концов всем пришлось смириться с тем, что рок-н-ролл жив.

Как говорили наимудрейшие, не можешь побороть – организуй, и кто-то из недовольных соседей предложил молодым музыкантам получить официальный статус музыкального клуба. Что и было сделано, но с рядом ограничений. Первое: отсутствие жалоб жильцов-соседей, второе: чистота в подъезде и третье: запрет на употребление спиртных напитков во время музыкальных тусовок, называемых сейше-

нами или попросту «квартирниками».

Такие концерты, во избежание нарушения первого условия, как правило, проходили в будничные дни и заканчивались ближе к вечеру. К сожалению Алекса, третье условие практически не выполнялось, и частенько после таких тусовок младший брат, который был неременным их участником, возвращался домой навеселе.

Бывают дни, когда опустишь руки, и нет ни слов, ни музыки, ни сил...

Характерный голос исполнителя Алекс узнал сразу. Он вспомнил, что перед командировкой брат ему рассказывал о предстоящем приезде в Питер самого Андрея Макаревича – руководителя набирающей обороты «Машины времени». Музыкант собирался посетить студию Фагота, а значит Полуэкта следует искать именно там.

И я хотел идти куда попало, закрыть свой дом и не найти ключа...

Застёгивая сумку, Алекс усмехнулся. Песенные слова очень удачно описывали сложившуюся ситуацию, но вопрос с ключом всё-таки решен. А вот что делать с этой горсткой бракованных дубликатов, похожих на кучу игрушечного металлолома? Он сгрёб всё это безобразие в пригоршню и, пробормотав простейшее заклинание, швырнул через окно, успев вовремя щёлкнуть пальцами. Кусочки металла превратились на лету в разноцветных бабочек и подхваченные прохладным ветерком бесшумно разлетелись в разные стороны.

«Оказывается, есть ещё порох в пороховницах. Да и экологичненько так получилось», – подумал Алекс, выходя из парадного.

Дождавшись когда стихнут последние аккорды слегка расстроенного рояля, он торопливым шагом пересёк двор, заскочил в парадное напротив и позвонил в дверь.

Дверь приоткрылась, и оттуда высунулся сердитый Фагот. По его решительному виду было понятно, что он готов дать отпор любому, кто посмеет выразить недовольство шумным сборищем.

– Алекс, ты? – С подёрнутого юношеским пушком румяного лица Фагота, тут же сошло напряжение и тот приветливо улыбнулся. – Заходи! У нас сегодня праздник, Макар с ребятами приехал. Так сказать, велкам ту зе пати! – долговязый Фагот вежливо посторонился, освобождая проход в квартиру. Треньканье гитар, звон стаканов, смех и весёлый шум, доносившийся из комнаты, говорили о том, что собравшиеся уже давно перешли к нарушению третьего условия.

– Нет, спасибо. Какнибудь в другой раз, я только с командировки. Пол у тебя?

– Здесь, конечно. Может, всё-таки заскочишь, так сказать, с корабля на бал?

– Так сказать, сенкью вери велкам, – Алекс усмехнулся. – С корабля на бал не получится, мне на другой корабль через три часа. Позови брата, пусть на секунду выскочит.

Полуэкт, который с детства обладал неплохими музыкальными способностями, так и не смог убедить родителей отдать его в музыкальную школу. Они посчитали, что их млад-

шему отпрыску будет полезней заниматься шахматами, и он остался без музыкального образования. Но после смерти родителей Полуэкт решил наверстать упущенное и по самоучителю освоил шестиструнную гитару. А в старших классах страстно увлёкся рок-музыкой и стал поигрывать в школьном, а затем в институтском вокально-инструментальном ансамбле.

Как и подобает приличным рок-музыкантам того времени, Пол Ковалёв носил длинные волосы. Длинные насколько, чтобы не разозлить майора с военной кафедры. А ещё он пытался отрастить усы. Усы росли очень плохо, и Полуэкт время от времени их сбривал. Сегодня он был со свежими зачатками усов, в шикарной футболке с какой-то надписью на английском и в крутых, потёртых особым образом, расклевённых джинсах. На выход в люди он обычно надевал круглые, тёмные как у кота Базилио, солнцезащитные очки.

– Какие люди! Надолго? – взглянув поверх очков на брата, спросил Полуэкт.

– Не волнуйся, не помешаю, – подмигнул брату Алекс. – Я буквально на пару часиков, а затем снова свалю на неопределённый срок.

– Куда на этот раз?

– В Казахстан. Слушай, дай ключ от нашей квартиры, я свой категорически потерял. Кстати, не помнишь, где лежит дубликат?

Младший брат протянул заветный ключ.

– Держи. А дубликат ты сам куда-то заныкал, я не в курсе.

– Ладно, поищу. А надолго тут у вас?

Полуэкт пожал плечами.

– Кто ж его знает? Вечер обещает быть томным.

– Ну ты особо не расслабляться. Надеюсь, пиво с портвейном больше смешивать не будешь?

– Не ори, – младший брат непроизвольно оглянулся. – Я взял аскезу. Временно. Короче, если меня не дождёшься, занеси ключ сюда.

Лето в Ленинграде не часто радует горожан жаркими деньками – как правило, это одна-две недели в июле. А в августе, по устоявшимся климатическим традициям, начинается ленинградская осень. В этот августовский день осенью ещё не пахло, но прохладный ветерок прозрачно намекал, что она уже не за горами.

В квартире, куда Алекс наконец-то попал, было душно, и первым делом он распахнул настежь окна. Вместе со свежим ветерком, который начал вытеснять затхлость холостяцкого жилища, в квартиру ворвались ритмичные звуки ударных и бас-гитары, доносившиеся из студии. А вслед за ними влетела большая муха. Пометавшись по комнате, она вылетела в прихожую и уселась на плакат «Роллинг Стоунз», гордость братовой коллекции. Алекс был поклонником классического джаза, и «роллинги» для него ровным счётом ничего не значили, но он не любил мух и стал искать что-ни-

будь подходящее, чтобы выгнать проклятое насекомое наружу. На глаза попала газета, вчерашний номер «Ленинградской правды». Скрутив её в трубочку, Алекс повернулся к плакату. Но мухи там уже не было.

– Страшно тебе, скотина? Правильно, бойся – правды все боятся. Ну что же, живи, пока я добрый.

Жуя дляблое печенье, чудом завалившееся на кухне, он пошёл в свою комнату и уселся за рабочий стол. Первым делом он придирчиво осмотрел хаотично разбросанные там предметы. Беспорядок, царивший на столе, только на первый взгляд казался хаосом. На самом деле каждая вещь представляла собой часть понятной только хозяину комнаты Системы. Переставлять с места на место предметы, перекладывать бумажки и прикасаться к проводам, которые длинными жгутами, словно разноцветные лианы, спускались к столу, было категорически запрещено. Даже технически грамотному младшему брату позволялось далеко не всё.

На одной из таких гирлянд, на проводе от осциллографа болталась зажатая «крокодильчиком» бледная картонная перфокарта от ЭВМ. На ней полуисписанным фломастером было нацарапано: «Я у Фагота. Борщ и котлеты в новом холодильнике»

Оценив юмор брата, который кроме яичницы ничего не умел готовить, Алекс улыбнулся. Он пошарил рукой под столешницей и щёлкнул тумблером – где-то под столом ровно загудел трансформатор. Стоявший на небольшом воз-

вышении полуразобранный телевизор «Юность» зашипел и зярябил чёрно-белыми помехами.

– Ну что, малыш, не знаю, как ты, а я соскучился, – ласково произнёс Алекс.

Со стороны могло показаться, что он разговаривает с телевизором. Но на самом деле он обращался к электронно-вычислительной системе, в которой полуразобранный телевизор выполняла функцию дисплея. Домашний компьютер с разноцветными кнопками находился рядом на столе и больше походил на дорогую детскую игрушку, но это был полноценный агрегат, на котором можно было программировать. Официально компьютер именовался тоже по взрослому, Зэт Икс Синклером.

– Пообщаемся с тобой, дружище, но в другой раз. Сейчас не до тебя.

Алекс щёлкнул ещё одним переключателем – телевизионное шипение прекратилось, и из динамиков раздались знакомые позывные «Международного обозрения», которое как раз началось по первому каналу.

Рассказ об очередных ядерных испытаниях, которые чуть ли не еженедельно проводились в штате Невада, был прерван неожиданным появлением мухи. Осмелевшее насекомое сначала проползло по телевизионному экрану, а затем перелетело на фотографию Полины, любимой женщины Алексея Ковалёва, которой он недавно сделал предложение.

– Да что же это такое?! Изыди, дрозофила! – Алекс был

возмущён такой наглостью и потянулся за газетой.

Муха, почуяв опасность, поспешно метнулась в коридор и скрылась в соседней комнате.

– То-то же. – Он переключил «Юность» на второй канал, где шёл «Сельский час». Бравый председатель колхоза обсуждал с корреспондентом тонкости продовольственной программы, недавно принятой на очередном пленуме ЦК КПСС. Оба сходились во мнении, что эта программа, разработанная по инициативе нового члена Политбюро Михаила Горбачёва, должна волшебным образом наполнить разнообразной и вкусной едой прилавки магазинов.

– Ещё один программист-материализатор, – усмехнулся Алекс.

Он выключил телевизор и принялся изучать газету. Пробежав несколько передовиц, посвящённых трудовым и политическим будням советского народа, он наткнулся на статью, которая сразу же привлекла его внимание. Статья была примечательна тем, что её написал закадычный друг Алекса, его старый школьный приятель по прозвищу Никитос. Популярный в питерской культурной среде журналист Никита Голубев работал в солидном ленинградском издательстве и публиковался в других печатных изданиях под псевдонимом Ник Голуб. В последнем номере «Ленинградской правды» вышла его новая статья. Это был своеобразный ответ на антисоветский выпад известного французского славяниста-советолога Никиты Струве. Капиталистический тёзка

Никитоса в одном из западных журналов в очередной раз полил грязью Советский Союз, а Ник Голуб написал свой «ответ Чемберлену».

Алекс от всей души улыбался, читая, как в свойственной ему ироничной манере Никитос развенчивает беспочвенные доказательства бездуховности «хомо советикуса», как убедительно он доказывает читателям, что советский человек, в отличие от западного обывателя, наоборот, является человеком трезвомыслящим и высоконравственным. И что система образования СССР нацелена на воспитание всесторонне развитых личностей, а то, что пишут о нас на Западе – клевета и ложь. Статья была настолько обширной, что не поместилась в одной газете, и окончание должно было выйти в сегодняшнем номере «ленинградки».

Клевета француза на Советский Союз была очевидной, однако Алексу было трудно представить Никитоса, легкомысленного повесу, веселого балагура и любителя выпить в образе гневного обличителя капиталистического строя. Даже несмотря на то, что Никита вырос в семье известного партийного деятеля, он всегда отличался скептическим отношением к коммунистической идее, особенно в политических дискуссиях, проходящих здесь, на улице Рубинштейна.

Дотянувшись до телефона, Алекс набрал номер Захара, их общего с Никитой приятеля, психолога по образованию. Он хотел поделиться с ним впечатлением от никитосовских рассуждений о нравственности и этике. Захар не брал труб-

ку, и Алекс решил, что тот со своей семьёй уже успел укатить на дачу. В отличие от своих школьных приятелей, Псих – так называл его Никитос, был женат

«Интересно, если для холостяков выходные это выходные, то для людей семейных выходные это семейные праздники? Или те же трудовые будни, только ещё более тяжёлые?» – Переосмысливая своё холостяцкое прошлое и примеряя на себя потенциальное семейное будущее, Алекс теперь всё чаще задавался подобными вопросами.

Но прямо сейчас его интересовали два насущных и взаимосвязанных вопроса. Ему было интересно узнать как Ник Голуб закончит свои рассуждения, а для этого нужно сбегать в ближайший киоск «Союзпечати» за свежей газетой. Но перед этим, желательно найти дубликат ключа, который он куда-то сунул.

Его опыт программиста подсказывал: чтобы найти правильный алгоритм решения какой-либо заковыристой задачи, нужно на некоторое время перестать о ней думать. Решение обычно приходит само собой. Устроившись поудобней в старом уютном кресле, он вытянул ноги и расслабился. Из окна доносился очередной хит «Машины».

Двадцать лет – немалый срок, и ты за двадцать лет поймаешь,

Что такое тьма и что такое свет.

Через двадцать лет забудут люди, что такое ложь,

Если только с ними что-то будет через двадцать лет...

Да, казалось бы так и есть – двадцать лет огромный срок, и бессмысленно заглядывать в будущее, которое непредсказуемо меняется. Он и сам так считал до тех пор, пока не разобрался с законом Времени, который ему пришлось изучать в китежградском институте. Теперь Алекс как никто другой чувствовал неудержимое приближение новой информационной эпохи и старался быть к этому готовым. Его беспокоило только одно: младший брат. Алексу казалось, что Полуэкт напрасно теряет время. Время, которое можно использовать более разумно, чем бессмысленные клубные посиделки, разбавленные хмельными напитками, но поучать брата он не собирался. Разберётся сам со временем.

Мысленно улыбаясь сложившемуся каламбуру, он незаметно для себя погрузился в сладкую дремоту. В таком состоянии Алекс пробыл всего ничего, но этого времени ему хватило для того, чтобы получить необходимый прилив сил и энергии. В его пробудившееся сознание, как в распахнутое окно вернулись запахи и звуки окружающего мира. Из фатовой студии доносились космические переливы синтезатора и тягучее, словно из другого измерения, мурлыканье слайд-гитары.

Я был вчера в огромном городе... городе... городе... городе...

Где совершенно нет людей... людей... людей... людей...

Необычный, похожий на эхо, звуковой эффект заставил Алекса прислушиваться к словам:

И в каждом доме вместо окон... окон... окон... окон... окон...

Я видел только зеркала... зеркала... зеркала... зеркала...

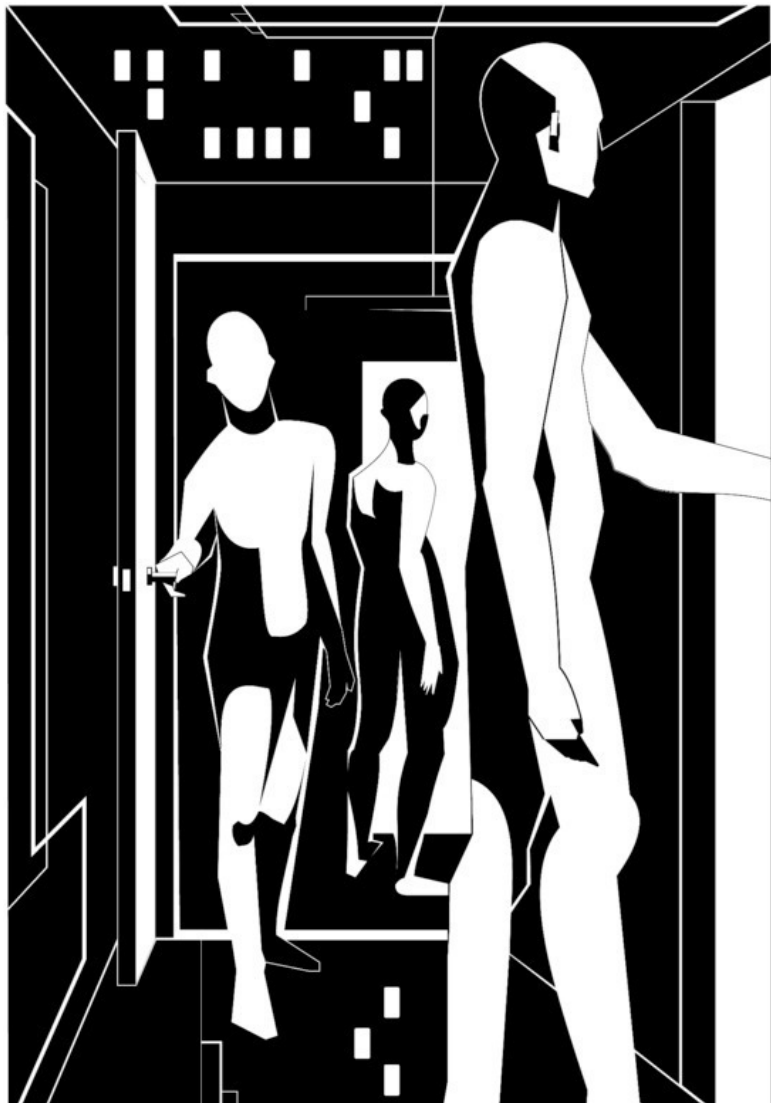
Песню про хрустальный город он уже слышал и раньше, просто не задумывался над её философским смыслом. Некий человек блуждает в лабиринтах зеркального города и на какое-то время утрачивает связь с реальностью. Миллионы собственных отражений он поначалу принимает за жителей огромного мегаполиса. Они похожи друг на друга как две капли воды и дружно кивают ему в ответ, когда он с ними здоровается. А после того, как человек покидает волшебный город, тот моментально становится безлюдным... Забавная аллегория. Наверное, так оно и есть – людям свойственно считать реальностью то, что проникает в сознание сквозь хрустальную призму их собственного восприятия. Но как часто они ошибаются! Особенно те, кто не подозревает... о существовании Зазеркалья!

Алекс резко поднялся в кресле. Что и требовалось доказать! Капельку расслабился – и задача решена! Он вспомнил, куда спрятал запасной ключ. После смерти родителей, когда они с братом затеяли перестановку, он устроил из магического Зазеркалья своеобразный сейф, куда убрал всё самое ценное. Туда же отправился и дубликат ключа. Более того, именно с помощью Зазеркалья он сейчас запросто материализует последний экземпляр «ленинградки», и это избавит его от похода в «Союзпечать».

Глава 2. Зазеркалье

«Любая управляющая система включает в себя датчики, воспринимающие информацию на входе и выходе системы, так называемые входные рецепторы, а также рецепторы исполнительных структур и каналы связи. А также нервные проводники и устройство управления, то есть центральную нервную систему, частью которого является память. Таким образом, информация, фиксированная в аппаратах памяти, определяет настройку системы управления на переработку определенных сведений, поставляемых через каналы связи»

Из лекции по медицинской кибернетике

Родители, ушедшие почти одновременно несколько лет тому назад, оставили сыновьям трёхкомнатную квартиру. А вместе с ней братьям Ковалёвым в наследство досталась огромная библиотека, которая сохранилась от предыдущих родовых поколений. Книг было настолько много, что всем впервые попадавшим в эту квартиру, поначалу казалось, что они по ошибке заглянули в букинистический магазин. Огромные книжные шкафы с многотомными рядами старинных фолиантов, строгий порядок которых братья пытались сохранять, стояли в прямо прихожей. Плотные ряды книг располагались за стёклами навесных шкафов и высокими рискованными стопками возвышались на всех горизонтальных поверхностях в коридоре.

Но самая роскошная книжная подборка находилась в бывшей родительской спальне, которую было решено переоборудовать под кабинет. С тех пор комната стала называться читальней. Алекс заглянул в полутёмное помещение. Нормально, порядок. Последние годы Алекс большей частью находился в разъездах, а младший брат, во избежание ненужных разговоров, старался поддерживать чистоту во всех комнатах и в читальню заходил только в случае крайней необходимости.

Большое прямоугольное зеркало в старинной дубовой раме висело на стене справа от двери напротив книжных шкафов. После смерти родителей на зеркало набросили ста-

рую плюшевую скатерть с бахромой, которая так и осталась на нём висеть. Рядом с зеркалом стоял секретер и старый отцовский рабочий стол с тумбочкой. В углу находилось большое раскладное кресло. На нем можно было не только примоститься с книжкой, но и полноценно поспать на случай приезда гостей. Единственное окно читальни было занавешено выцветшей шторой, и полумрак, всегда царивший в комнате, придавал ей оттенок таинственности и загадочности. Строгую кабинетную обстановку пришлось нарушить стареньким холодильником «ЗИЛ», который братья перетащили из кухни после покупки новой «Бирюсы». По этому поводу они шутили: был у нас один пустой холодильник, а теперь их стало два.

Алекс открыл дверцу холодильника, заведомо зная, что еды там нет. Но на самом деле он был не совсем пустым. В холодильной камере находились две стеклянные банки с прозрачной жидкостью и белая эмалированная ванночка с надписью «Мясо». Мяса в ванночке, естественно, не было, зато там лежал продолговатый, похожий на треснутую дыню, булыжник. Алекс осторожно, словно изделие из горного хрусталя, извлёк оттуда камень и бережно водрузил его на секретер, подперев с боков толстыми журналами «Наука и жизнь».

Погладив булыжник по холодной поверхности, он пробормотал какую-то абракадабру и щёлкнул пальцами. Затем подошёл к зеркалу и снял с него серую скатерть. Переждав,

пока осядет пыль, он аккуратно сложил скатерть и убрал её в сторону. Затем повернулся к зеркалу и подмигнул своему отражению.

– Ну что, старик, никак жениться надумал? – Не дожидаясь ответа, он решительно взялся за нижний край массивной дубовой рамы.

О том, что это зеркало было не обычным, а магическим, и что в старой дубовой раме спрятан секретный механизм, позволяющий вращаться зеркалу вокруг своей оси, не знал даже младший брат. Хитрые шестерёнки, спрятанные внутри тяжёлой рамы, приводились в движение специальной голосовой командой – той самой мудрёной фразой, произнесённой на древнейшем санскрите. При повороте зеркала вокруг своей оси открывался доступ к магическому Зазеркалью.

Правда, маленький Полуэкт однажды оказался случайным свидетелем такого чуда, и Алексу пришлось долго ему объяснять, что доступ к Зазеркалью открывается только взрослым. К увесистой порции лапши Алекс добавил строгое предупреждение о том, что к зеркалу нельзя не только прикасаться, но даже приближаться, иначе оно может человека в себя засосать. А потом, когда Полуэкт вырос, тема с Зазеркальем больше не поднималась.

Но на самом деле доступ к Зазеркалью был возможен благодаря треснутому бульжнику, который являлся магическим информационным процессором, который программи-

ровался особым образом. Каменный процессор так и назывался чипстоуном, и был основой всей магической системы. По природно-техническим характеристикам он нуждался в охлаждении, поэтому Алекс держал камень в холодильнике, вытаскивая его оттуда только по мере необходимости. Все эти агрегаты он притащил с собой из Китежа после реформирования института. С появлением первых образцов маленьких портативных устройств, позволяющих быстро подключиться к ноосфере с помощью эгрегориальных М-волн, большое зеркало особой ценности не представляло. Ключевая фраза – нечто среднее между певучей молитвой и «Сим-сим откройся» нужна была для активизации М-волновых процессов, а щелчок пальцами приводил в движение магический механизм.

За рамой что-то треснуло, и зеркало повернулось на девяносто градусов против часовой стрелки. Немного подумав, он запустил левую руку по плечо прямо в зеркало и стал шарить где-то внутри, пытаясь нащупать крючок с ключом. Крючка не было.

– Понятненко. Значит, сейфовое хранилище открывается обратным вращением, а если так, против часовой... Ага, значит сейчас должен быть запущен газетный резидент!

Алекс зажмурился, представляя в своём воображении сегодняшнюю «Ленинградскую правду», и тут же почувствовал под рукой бумажные страницы. Вытащив из зеркала ещё тёпленькую после материализации газету, он радостно улыбнулся.

– Михалыч всё-таки гений. Это же надо было такое при-

думать!

Его давний институтский приятель, Михалыч, был ярким болельщиком московского «Спартака». Настолько фанатичным, что перед каждым матчем любимой команды терял над собой контроль. Он не мог ни работать, ни отдыхать, до тех пор, пока не узнавал результат игры. Однажды их приятель Тимур Геворкян, сын одного из отцов-основателей Зазеркаля, в шутку предложил Михалычу разработать программу, которая позволила бы материализовать свежий номер спортивной газеты с уже опубликованным результатом матча. Михалыч подошёл к решению этой задачи основательно, и в результате его трудов появилась М-волновая резидентная программа, которую он назвал «Свежая газета». Программа оказалась универсальной – с ее помощью можно было материализовать свежайший выпуск не только спортивной, но и любой другой газеты по желанию заказчика. По сути, при определённой настройке из зеркала можно было вытащить даже завтрашнюю газету, ещё не поступившую в продажу через «Союзпечать». После возвращения в Ленинград, Алекс, который никогда не отличался ни футбольным, ни хоккейным фанатизмом, полностью забыл об этой потрясающей возможности Зазеркаля. Однако сейчас случилось то, что в очередной раз убедило его: в жизни нет случайностей. Он уже собирался устроиться в кресле, чтобы дочитать статью, но его планы нарушила назойливая муха.

Скорее всего, она все это время находилась где-то рядом и следила за всеми его движениями, но увидев в его руках газету, почувствовала потенциальную опасность и запаниковала. Разгоняясь по комнате, словно мультикшный штурмовик, муха с жужжанием стала кружить вокруг. Несколько раз она ударялась о зеркало – то ли в надежде проникнуть в Зазеркалье, то ли приняв его за окно. Вероятно, при этом ее крошечный мозг получал сотрясение, потому что муха могла бы просто спрятаться и спокойно отсидеться среди книг. Алекс вовсе не собирался её прибивать, он решил выгнать несчастное насекомое из квартиры наружу. Он подошёл к окну, отдернул штору и, распахнув створки, снова отошёл вглубь комнаты. Потом словно мельница замахал руками и попытался таким образом оттеснить муху к окну. Однако насекомое, похоже, окончательно спятило. Всякий раз подлетая к распахнутому окну, муха умудрялась попасть в закрытую створку оконной рамы. Алекса осенило: а может ей вовсе не нужна никакая свобода, а просто важно создавать иллюзию борьбы за неё? Потеряв терпение, он решил всё-таки прихлопнуть муху, но та наконец сообразила, что добром это может не кончиться. Прожужжав на ухо Алексу своё мушиное проклятье, муха навсегда вылетела из этой небезопасной квартирki. Алекс вздохнул с облегчением – наконец-то он может сесть в кресло и узнать, чем Никитос закончит свои размышления о нравственности.

В этот момент раздался звонок в дверь, и Алекс пошёл её

открывать. На пороге стоял автор статьи, собственной персоной.

– Богатым будешь, Ник Голуб, только что тебя вспоминал.

– Надеюсь, нэ злым, тыхым словом? А-а-а, прочитал таки мой ответ на злобный пасквиль этого французишки? – Здороваясь с приятелем, Никита заметил в другой его руке газету. – Ну и как я его?

– Шедеврально. Не в бровь, а в глаз. А к нам какими судьбами?

– Полуэктус говорил, что у Фагота сегодня джэм-сейшн, вот я и зарулил к вам на Рубинштейна поглазеть на московскую «машину».

– Так ты на «Ласточке»? А пахнет от тебя совсем не бензином, – осуждающе покачал головой Алекс. «Ласточкой» называлась старенькая двадцать первая Волга, доставшаяся Никите от отца, на которой он обычно рассекал по городу.

– Не суди, да не судим будешь, – философски заметил Никита. – Это после вчерашнего. И вообще, нечего тут принюхиваться.

– Да тут и принюхиваться не нужно. Просто я вдруг подумал, что Никита Струве заподозрил бы тебя в неискренности. Ладно, старик, не обижайся, проехали. Зайдёшь, или побежишь к Фаготу?

Никита и не думал обижаться и уже проходил в комнату Алекса.

– А что у тебя есть? Можешь не отвечать, знаю, что ничего

у тебя нету. Просто я засёк открытое окно и понял, что ты вернулся с командировки. Вот и заглянул навестить. – Он уселся в кресло. – Ну, рассказывай, что там у вас интересного в области оборонной промышленности?

– Ничего интересного, промышляем потихоньку, – отшутился Алекс. – Вот решил дочитать твою статью про бездуховных людей на Западе, которые непрерывно работают на его загнивание. – Алекс развернул газету и стал искать глазами вторую часть статьи. – Кстати, где продолжение?

– На третьей полосе сверху. А что это у тебя за газета? – спросил Никита, подозрительно покосившись на приятеля. – За какое число? Ну-ка, ну-ка, дай взглянуть.

Никита взял из рук Алекса газету и стал внимательно изучать шапку. И по тому как изменилось выражение его лица, Алекс понял, что с газетой что-то не так.

– Старик, что это за дата? Это что, шутка? – Никита вопросительно взглянул на приятеля.

Алекс забрал у него газету и потерял дар речи. В его руках была «Ленинградская правда», но не сегодняшняя и не завтрашняя, а за 6 августа 2012 года. Он растерялся, не зная что ответить.

– Признавайся, где ты взял эту газету?

– Где-где – в Караганде... – пробормотал Алекс, наблюдая, как газета исчезает прямо у него в руках, медленно растворяясь в воздухе.

Глава 3. Время разбрасывать камни

– И, боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет. – Гм... Да ведь других нет? – Вот никаких и не читайте. Вы знаете, я произвел тридцать наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствовали себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать «Правду», теряли в весе.

Михаил Булгаков

– Смотри, а сейчас опять «Питерские ведомости»... – Никита разглядывал очередную газету, которую Алекс только что извлёк из глубин Зазеркалья. – А сколько продержался «Петроградский коммунист»?

– Чуть более минуты, – ответил Алекс, делая отметку в тетради.

После начала газетных экспериментов прошло около часа. Поначалу было принято решение взять тетрадь и тезисно записывать содержимое газетных передовиц, но газеты исчезали настолько быстро, что приятели попросту не успевали этого сделать. Даже запомнить содержимое вереницы разнообразных статей и заметок было затруднительно. В конце концов экспериментаторы решили просто фиксировать на-

звания газет и время их существования. Для этого Алекс нарисовал в тетради таблицу, где и вёл статистику.

«Губернский вестник», напечатанный на роскошной глянцева́й бумаге, растворился в руках у Никиты всего через несколько секунд, а «Питерские ведомости» просуществовали около двух минут. Дольше всех по неизвестной пока причине держались экземпляры «Санкт-Петербургских ведомостей», а «Петроградский коммунист» в статистической сводке занимал почётное четвёртое место.

По ходу исследования Алекс пытался объяснить приятелю принцип объектной материализации, но теоретическая физика и метафизика оказались за гранью никитосовского восприятия, но зато его увлёл сам процесс получения газет практически из ниоткуда. Никита несколько раз пробовал самостоятельно сунуть руку в Зазеркалье и очень расстраивался, когда ему этого сделать не удавалось.

– Как ты это делаешь, Ковалёв?

– Видишь ли, старик, в Зазеркалье нужен специальный допуск, – успокаивал приятеля Алекс. – Кроме того, требуется определённый опыт, и спиртное в этом деле не помощник.

– Ладно, трезвенник, скажи мне тогда, почему каждый раз у тебя получается совершенно другая газета?

– Сто раз уже повторял: наше будущее многовариантно, поэтому каждый экземпляр содержит уникальный набор информации.

– А почему все газеты с одной и той же датой? Почему

ровно тридцать лет?

– Должен признаться, этого я пока не знаю. Я точно помню, что Михалыч настраивал Зазеркалье на материализацию самой свежей газеты, и почему изменились параметры программы мне совершенно непонятно. Действительно, ровно тридцать лет, день в день. И ещё я теряюсь в догадках, почему названия у газет разные? Ведь каждый раз я настраиваюсь исключительно на «Ленинградскую правду»...

– Видишь ли, старик, тут требуется определённый опыт, – подражая интонациям приятеля сказал Никита. – И готов поспорить, что без спиртного этот опыт не получить. – Он рассмеялся, довольный своей шуткой. – Всё элементарно, Ватсон. За тридцать лет название издания может измениться и не один раз. Возьми к примеру нашу «Невскую звезду». Наш гравред недавно предложил сменить название журнала. Пока не получилось, зарубили наверху, но шеф своего добьётся. Он решил пойти другим путём, демократическим. Сейчас идёт сбор предложений, потом устроим голосование, и победит то название журнала, за которое проголосует большинство. И там, наверху, никто даже вякнуть не посмеет. Как говорит наш дорогой шеф, демократия – страшная сила.

– Вероятно, по такой же причине может измениться название города... – размышлял Алекс. – Станет у руля такой же новатор-демократ, и лёгким движением руки Ленинград превращается... в Петроград. Только я всё равно не понимаю, зачем менять привычное название?

– Как это – зачем? – задумался Никита. – Знаешь, старик. Честно говоря, я и сам не очень понимаю, но шеф настаивает на ребрендинге. Это он такое новое словечко привёз из Штатов. С новым названием, говорит, начнётся новая эпоха в жизни журнала. А можешь мне ответить, почему газеты исчезают через разное время?

– У меня есть предположение, что это связано с количеством накопленной информации, но нужно будет уточнить у Михалыча.

– Ладно. Предлагаю помянуть последнего коммуниста, – в руках Никиты неизвестно откуда появилась никелированная фляжка.

– Ты же за рулём, Никитосище! – Алекс осуждающе покачал головой.

– Ну и где ты видишь руль? И вообще, человеку необходимо снять стресс. Когда ты первый раз сунул руку в зеркало, я чуть не лишился рассудка, – Никита салютовал фляжкой. – Между прочим, твой подарок, Ковалёв. Будь здоров.

– Я же не предполагал, что фляга станет твоим рабочим инструментом.

– Не умничай... – Сделав небольшой глоток, Никита закрыл фляжку. – Хотя ты прав, это не только инструмент, но и источник творческих фантазий. Кстати, а ты не пробовал забраться в зеркало целиком?

– Пробовал, – признался Алекс. – Ещё на первом курсе. Однажды я искал Михалыча – он тогда работал аспиран-

том на кафедре практической магии. Так вот, заглядываю я к нему в лабораторию, его там нет, а Тимур Геворкян... Тимура помнишь?

– Это тот бородач, который к тебе в Питер приезжал? Сын вашего ректора, кажется?

– Да, он. Так вот он мне втирает, что Михалыч отправился в Зазеркалье и с серьёзным видом предлагает нырнуть вслед за ним. Я по своей наивности ему поверил и нырнул.

– И что там?

– Ничего. То есть, вообще ничего. Даже если у тебя есть допуск в Зазеркалье, но в М-волновых процессах ты ещё толком ничего не соображаешь, по ту сторону зеркала ты ничегошеньки не увидишь. Кроме своего отражения, естественно. Само зеркало – дуальное, то есть, с обратной стороны оно выглядит точно так же, как и обычное зеркало, но только вокруг тебя кромешная темнота. В лучшем случае ты можешь увидеть в нём лишь своё собственное отражение. Короче, ничего интересного.

– Ну, а Михалыч что? Я так понял, что он больше твоего соображает в Зазеркалье?

– Бесспорно, больше. Настоящие маги способны рассмотреть в Зазеркалье будущее. Да и то, каждый по-разному.

– А от чего это зависит? От квалификации?

– Не только. Есть множество причин. В первую очередь от настроения самого мага. Перед погружением нужно уметь настраиваться особым образом. От ситуации зави-

сит, от внешних условий. Например, от того, как в данный момент сложились звёзды. Короче, не всё так просто. Некоторые маги способны заглянуть далеко-далеко, в смысле занырнуть поглубже в Зазеркалье, а некоторые способны увидеть только ближайшее будущее, да и то чаще всего не своё. Но общий принцип такой: чем больше знаешь, тем дальше видишь. Кое-кто из избранных может, вообще не заглядывая в Зазеркалье, обозревать отдалённое будущее. Так сказать, обходиться своим «внутренним Зазеркальем»... Глянька, «Ведомости» благополучно дематериализовались.

От газеты, секунду назад находившейся на столе, и след простыл. Алекс взглянул на часы.

– Итак, запишем: три минуты тридцать восемь. Ну что, продолжим, или достаточно?

– Продолжим! – Никита развинтил фляжку и сделал ещё один небольшой глоток.

Алекс покачал головой, вздохнул и извлёк из Зазеркалья новую газету. В коридоре слышались шаги.

– А чем это вы тут занимаетесь, а? – С ехидной усмешкой в читальню заглянул Полуэкт. – Бухаете?

– С чего ты взял? – округлил глаза Никита. Он уже успел спрятать флягу в карман.

– Пахнет тут у вас. Ник, твоя Ивонна вся извелась. Решила, что ты её бросил. – Полуэкт едва сдерживался чтобы не рассмеялся. – А ещё она говорит, что училась в одном колледже с блондинкой из Аббы.

– О ком это он, Никитос? Что за Ивонна? – с удивлением спросил Алекс

– Ивонна Андерс, моя новая знакомая. Дочь дипломата из Швеции. Во всяком случае, она так утверждает. Я не стал тебя шокировать, Ковалёв, сразу сплавил девушку к Фаготу. Как она там себя вела, Полуэктус?

– Я бы не сказал что сдержанно, но пока обошлось без жертв. Мягко говоря, экстравагантная девица. И где ты таких находишь?

– Я нахожу? Да она сама ко мне прицепилась как... Даже не знаю как правильно подобрать слово.

– Как муха? – подсказал Алекс. – Наверное, залипла на твою загорелую лысину?

Растительности на голове сорокалетнего Никиты с годами поубавилось, но он по-прежнему выглядел молодцом. Назвать красавцем этого никогда не унывающего балагура можно было с большой натяжкой, но орлиный нос, карие весёлые глаза и ямочка на мужественном подбородке всегда нравились женщинам. А хорошо подвешенный язык и умение себя преподнести делали его лидером в любой компании.

– Вполне возможно. Но мне кажется, она неплохая. Просто э-э...

– ...просто с небольшим прибабахом, – улыбнулся Полуэкт.

– Нет. Просто девушке нужно быть в центре всеобщего внимания. Надеюсь, она не пела дуэтом с Макаревичем? Мо-

жет он взял её солисткой?

– Не пела, но порывалась. «Машина» уехала без неё.

– А где она сама?

– Осталась в студии. Когда Макаревич нас покинул, она уболтала Фагота организовать ей настоящую студийную запись. Чистая импровизация, так сказать, творческий эксперимент. Не знаю, что из этого получится. Так чем вы тут всё-таки занимаетесь?

– А у нас тут свой эксперимент, полиграфический. Твой брат научился делать газеты из воздуха. И через некоторое время отправлять их в никуда. Я думаю, что при хроническом дефиците туалетной бумаги, для нашей страны это неопенимое открытие. Дай ему газету, Ковалёв. А ты, Полуэктус, можешь даже её полистать, только быстрее, пока она не исчезла.

– А почему она должна исчезнуть? Что за газета? «Санкт-Петербургские ведомости»? Откуда?

– Это не важно. Ты не обращай внимания на название, а погляди на дату. Газета из тридцатилетнего будущего. В ней говорится о том, что произойдет 6 августа в 2012 году.

– Может произойти. Как один из множества вариантов, – уточнил Алекс. – Я уверен, что именно в этом секрет такого газетного разнообразия.

Полуэкт стал внимательно изучать газету. Формат её был довольно необычным: чёткие, контрастные фотографии, узкие колонки с множеством небольших заметок. Всё это со-

всем не походило на унылые советские газеты, в которые Полуэкт иногда заглядывал в основном в поисках телепрограммы или чего-то интересного. Как правило это публиковались на последней странице.

– М-да... Прикольно... Алекс, а почему всё-таки ведомости Санкт-Петербургские? Почему не ленинградские? Дореволюционные что ли?

– Мы думали над этим. Скорее послереволюционные, хотя не исключено, что и дореволюционные. Но Никита прав, в название газеты особо не вникай. Если говорить абстрактным языком, ты держишь в руках материализованный фрагмент информационного шума из нашего будущего. Вернее, его среза, глубиной в тридцать лет.

– Ни фига не понимаю, но очень интересно...

– Это понятно, что тебе ничего не понятно, – улыбнулся брат. – Ты пока просто полистай, я потом объясню, если захочешь.

Полуэкт неожиданно радостно затряс газетой.

– Смотрите! Это же про Макаревича!

– Где?

– Да вот, смотри, на первой странице... «Рок-музыкант Андрей Макаревич, вернувшись из очередного гастрольного тура по стране, обратился с письмом к президенту...»

– Какому президенту?

– погоди, не мешай, продолжение где-то внутри.

Полуэкт развернул газету и стал искать продолжение за-

метки, а Никита, улучив момент, вытащил фляжку и отошёл к окну.

– Ник, что такое «откат»? – через некоторое время поинтересовался Полуэкт.

– В каком контексте? – спросил Никита. Он успел сделать заветный глоток, и поспешно завинчивал фляжку.

– Вот, написано: «ещё 5—6 лет назад средний откат по стране составлял 30%, а сегодня это 70». И вот ещё: «одна часть населения с этих откатов и кормится, а другая, значительно большая, боится потерять и оставшиеся тридцать». А дальше про суд, иски...

– Без понятия. Возможно, какой-то новый способ оплаты? Типа: откатал концерт – получил гонорар. Дай взгляну, – Никита стал выхватывать у Полуэкта газету, но тот её не отпускал.

– погоди, дай дочитаю... Да не тужи ты, порвёшь...

В этот момент газета стала медленно растворяться в воздухе и Полуэкт инстинктивно разжал пальцы.

– Ну вот видишь, исчезла! – отряхивая руки, констатировал очевидный факт Никита.

– Вижу... И что теперь делать? И это всё? – Полуэкт растерянно поглядел на Алекса.

– Всё, время этой газеты истекло, – ответил Алекс, делая пометку в тетради. – Три минуты и двадцать секунд.

– Не расстраивайся, Полуэктус. – Никита по-дружески похлопал Полуэкта по плечу. – Зато ты можешь теперь смело

сказать, что целых три минуты прикасался к нашему светлому будущему. Ты таки успел прочесть, что там Макаревич написал? Вернее, напишет. Эх, запечатлеть бы эту заметку на фото! Представляешь, сколько можно будет на этом заработать? – Он стал возбуждённо потирать руки. – Так! Тащи фотоаппарат, теперь будем фиксировать. И чего я раньше не допёр? Кстати, ты успел выяснить какому президенту Макаревич адресовал письмо? Президенту чего, не Штатов же?

– Не-а, я так и не въехал. Возможно, президенту союза композиторов или президенту какой-нибудь концертной ассоциации? – предположил Полуэкт

– Возможно, – согласился Никита. – За тридцать лет чего только не придумают. Как говорит наш любимый шеф: был бы человек подходящий, а должность всегда найдётся. А как фамилия президента, не помнишь?

– Путилов. Или Путилин? – Полуэкт неуверенно пожал плечами. – Да какая разница? Тем более, что это информационный шум из нашего светлого будущего.

– Так и есть, – подтвердил Алекс. – Только должен заметить, что не совсем светлого. Никитос, ты помнишь про Пятигорск?

– Да помню, помню, но как-то не верится... Я ведь только неделю назад был в Пятигорске. Представляет, там на розлив продают настоящий Прасковейский коньяк. А какие там шашлыки...

– Так что там всё-таки случилось в Пятигорске? – перебил

его Полуэкт.

Алекс заглянул в тетрадь со статистикой.

– Я успел где-то сделать отметку. Вот, во втором по счёту «Ленинградском вестнике» попалась заметка про боевые действия на Северном Кавказе. Там ребята под Пятигорском отличились, взяли в плен несколько иностранных наёмников... Мы не успели дочитать.

– Вот я и говорю, нужно фиксировать. Шум, не шум – потом разберёмся. Тащи свой «Зенит», Полуэктус.

– Да там плёнки нету, – признался Полуэкт. – Если нужно, я мотнусь к Фаготу.

Никита укоризненно покачал головой.

– Ну вот, вдруг война, а мы без плёнки... Ладно, у меня есть другая идея для вашей объектной материализации. Называется отдельная объектная фиксация. Только мне нужна большая толстая книга, папка и ножницы.

– Принеси ему ножницы, – попросил брата Алекс. – И папку захвати у меня на полке. А насколько толстая книга? Библия подойдёт?

– А ничего другого нет? С Библией как-то не очень.

Алекс порывлся на навесной полке и протянул приятелю «Справочник фармацевта».

– Годится. Теперь вытаскивай газету, – деловито распорядился Никита.

С трудом сдерживая улыбку, Алекс извлёк из зеркала новую газету и вручил её экспериментатору.

Никита взял газету и быстро пробежался по передовицам.

– Собственно, для эксперимента это значения не имеет, – пробормотал он и решительно вырезал ножницами первую повшуюся газетную заметку. – Будем фиксировать начало строительства автомагистрали «Большое северное кольцо» Ленинград-Таллин-Рига-Минск-Москва. Запоминайте, кладу этот артефакт из будущего между сто сорок восьмой и сто сорок девятой страницей.

Никита аккуратно вложил вырезку в фармацевтический справочник. Оставшуюся часть газеты он сложил вчетверо и сунул в папку. Книгу и папку он положил на стул и уселся верхом на неё. Раскачиваясь, как Валерий Лобановский на финале Суперкубка, он стал вслух отсчитывать секунды. Полуэкт вопросительно поглядел на брата, но тот жестом дал понять, что сейчас в ход эксперимента лучше не вмешиваться.

– ...двести девяносто восемь, двести девяносто девять, триста. Думаю, достаточно. Дольше трёх минут газеты не держались. – Никита встал со стула и развязал папку. Папка была пуста.

– Та-а-ак...

Газетной заметки между страницами фармацевтического справочника также не оказалось. Перелистав на всякий случай справочник до конца, Никита сник.

– Чертовщина какая-то...

– Может, стоило всё-таки использовать Библию? – как

можно более серьёзным тоном поинтересовался Алекс.

– Или не считать секунды, а произносить молитву, – подхватил Полуэкт.

– Вы что, от Захария нахватались? Я ни одной молитвы не знаю. Давайте, не умничайте, тащите следующую. Есть ещё одна идеяка...

Алекс пожал плечами и привычным движением попытался сунуть руку в зеркало, но не смог этого сделать – зеркальная поверхность оказалась непроницаемой. Ничуть не удивившись, он направился к секретеру.

– Так и есть. Похоже, Зазеркалье вырубилось, – констатировал он, прикоснувшись к булыжнику. – Чипстоун пора охладить.

– Чипстоун? – Полуэкт недоумённо взглянул на брата. – Значит, этот камень из холодильника называется чипстоуном?

– А ты что, не курсе? – в свою очередь удивился Никита.

– Нет, не в курсе. Мне с детства втирали, что это окаменелое яйцо динозавра, и если его вытащить из холодильника, то оттуда может вылупиться зубастый птенец.

– А если бы я сказал, что в холодильнике лежит М-волновой процессор, благодаря которому визуализируются зайцы, белки и гномик Кеша, ты бы мне поверил? – спросил Алекс захлопывая дверцу. – Вспомни, я тебе как-то начал рассказывать о суперсистемах и преобразовании материи, но тебе было гораздо интересней брэнчать на гитаре.

– Я этого не помню...

– Ну значит тогда тебе это было не нужно. А сейчас, если интересно, расскажу тебе, сколько успею. А вернусь из Казахстана, продолжим. Ты только спрашивай, интересуйся, от переизбытка знаний ещё никто не умирал. В тебя поместится ровно столько информации, сколько твой мозг сможет обработать. Лишнее уйдёт в подсознание. Так сказать, до лучших времён.

Никита с трудом сдержал зевок:

– У меня сейчас всё уходит в подсознание. Я бы даже сказал, улетает. И боюсь, что до лучших времён мне не дожить. Впрочем, не обращайтесь на меня внимания, Ковалёвы. Я тут посижу немного в кресле, дождусь Ивонну. Но вы продолжайте, продолжайте.

Полуэкт сунул Никите последний номер «Огонька», и тот углубился в чтение.

– Я помню, вы тут с Захаром спорили о ноосфере, говорили об эгрегорах, но мне тогда это всё казалось сказкой, а я уже вырос. Но сейчас ты сказал, что это процессор?

– Процессор и есть. А что тебя смущает? Размеры? Форма? Ты же понимаешь, что в Синклере тоже есть процессор, только намного меньших размеров. Компьютерный микропроцессор построен на основе кремниевого кристалла, а природный вот такой, неказистый. Но и там, и там происходит обработка информация. Разница лишь в способе её кодировки. По своей сути Зазеркалье – аналог природной

компьютерной системы, которая подключена к гигантскому информационному накопителю, ноосфере. Проводя аналогию с компьютером, можно сказать, что это постоянная память планеты.

– И много там накопилось информации?

– Бог его знает. В прямом смысле этого выражения. Не менее чем за последние двенадцать тысяч лет. И часть информации хранится в камнях. В Египте, Мексике, в Стоунхендже в Англии и во многих других местах. В том же соловецком лабиринте. Изначально этот валун был частью одного из беломорских каменных лабиринтов, которые находятся на Соловецких островах. Как выяснилось, эти лабиринты, пирамиды и другие каменные творения, расположены в разных частях планеты связаны с ноосферой. А через ноосферу с Космосом, то есть со Вселенской информационной системой. Правда полностью расшифровать эту информацию пока не удаётся. Помнишь Тимура Ашотовича?

– Помню.

– Так вот его покойный отец, наш бывший ректор, утверждал, что Зазеркалье поможет разобраться с глубинным прошлым человеческой цивилизации и знаменитую мудрость царя Соломона «время разбрасывать камни и время собирать камни» он трактовал по-своему. В переводе на современный язык это означает, что наступит время, когда вся информация, накопленная в ноосфере планеты, будет расшифрована.

– Но если в чипстоуне, как ты утверждаешь, накоплена информация о прошлом, то откуда тогда появилась газета из будущего? – вполне резонно поинтересовался Полуэкт.

– Хороший вопрос. Дело в том, что пространство и время – категории относительные. Другими словами, без прошлого не бывает будущего, и процессы, которые начались давным-давно, развиваются сейчас и будут завершены в далёком будущем. Чипстоун связан с ноосферой, в которой переплетается вся информация, в том числе и разные варианты нашего будущего.

– Информация о событиях, которые ещё не произошли?

– Да, понимаю, такое трудно себе представить. Но чем глубже будешь в это вникать, тем будет понятнее. Ну что, пока у меня ещё есть время, продолжим эксперимент с газетами?

Алекс взял чипстоун и собрался поместить его в холодильник, но Никита его остановил.

– Уж не собираешься ли ты убирать эту каменюку в холодильник?

– Именно. Или ты можешь предложить другое место для быстрого охлаждения чипстоуна? Пускай немного остынет. У этой допотопной системы есть существенный недостаток – в процессе своей работы камень слишком быстро нагревается. В районах крайнего Севера это большого значения не имело, но здесь время от времени приходится его охлаждать.

– И нам тут сидеть и тупо ждать, пока он будет прохлаждаться? У нас не крайний Север, но и далеко не юг. Открой окно, положи свой чипстоун на сквознячок, и пусть себе охлаждается естественным образом. А мы воспользуемся моментом и покурим, не выходя на балкон. Ты же не проти? Давай-давай, тащи его к окну. – Никита вытащил пачку «Salem» с ментолом.

Немного подумав, Алекс аккуратно водрузил булыжник на подоконник, подперев с двух сторон старыми журналами.

Дальше всё происходило быстро, как в ускоренном кино. Зазвонил телефон, и Полуэкт бросился в прихожую. Алекс ушёл следом за ним, а Никита, улучив момент, вытащил свою заветную фляжку. В это же время снизу раздался звонкий женский смех и весёлые голоса. Кто-то во дворе стал скандировать: «Ни-ки-та! Ни-ки-та!»

Никита подбежал к окну и раскрыл вторую створку.

– Ивонна, радость моя, я здесь!

Он замахал рукой и высунулся в окно, случайно задев при этом чипстоун. Камень слегка качнулся, потом неожиданно повернулся вокруг своей оси и начал медленно скатываться с подоконника наружу. Никита хотел его придержать, но мешала фляжка. Пока он дрожащими руками пытался спрятать фляжку в карман, булыжник перекатился на край подоконника, и все попытки его удержать ни чему не привели – камень выскользнул и рук, на секунду замер, словно размышляя что делать дальше, и медленно скатился во двор. Внизу

за окном послышался глухой удар, вслед за которым последовало чьё-то короткое ругательство.

– Что тут случилось? – в комнату вернулись Алексом с Полуэктом и тревожно уставились на побледневшего Никиту. Он стоял у окна, боясь пошевелиться, и испуганно вращал глазами.

– Каменюка... – осипшим голосом произнёс он.

Алекс всё понял и пулей бросился к окну. Расколотый на несколько частей чипстоун валялся на асфальте, а вокруг него толпилась ребятня, сбегавшая со всех сторон и пенсионеры-доминошники, оставившие недоигранную партию. Все шумно обсуждали последствия падения и поглядывали вверх. Буквально в нескольких сантиметрах от свалившегося камня стояла никитосовская Ласточка, и только чудо спасло её капот от гарантированной вмятины.

Рядом с машиной стоял Фагот и незнакомая экстравагантная девица в сапогах-чулках, яркой красной курточке и длинных кожаных перчатках. Одной рукой она придерживала крохотную желтую шляпку, а другой рукой указывала на окно ковалёвской квартиры и что-то весело щебетала нахмурившемуся Фаготу.

– Слава Богу, – облегчённо вздохнул Алекс. – Обошлось без жертв. А могло кому-то и прилететь. Как же так, Никитосище?

– Извини... – промямлил Никита. – Ну извини, старик. Бес попутал...

Полуэкт тоже выглянул в окно.

– Если бы тебя бес попутал, твоя Ласточка стояла бы сейчас с помятым крылом или разбитой фарой. Людей под окном не было, так что Алекс прав – слава Богу. – Высунувшись поглубже, он деловито распорядился: – Фагот, постереги булыжник, сейчас спущусь.

Глава 4. На одной волне

Встреча двух людей – это встреча двух химических элементов. Реакция может и не произойти, но если произойдет – изменяются оба.

Карл Густав Юнг

– Но только сразу давай договоримся: ни вина, ни шампанского я пить не буду. И ночевать у тебя не останусь, даже не надейся. Так что если хочешь успеть проводить меня до общежития, сам контролируй время, – строго наморщив слегка вздёрнутый носик, предупредила Хеленка.

Хелена Петрова училась на том же потоке, что и Полуэкт, но в другой группе. С самого первого курса он обращал внимание на невысокую стройную и весьма привлекательную блондинку с ямочками на щеках, но не было подходящего случая, чтобы с ней познакомиться поближе. Кроме того, Хеленка относилась к категории студентов-иностранцев – она была родом из Чехословакии. Поначалу Полуэкт не знал таких тонкостей, чешка она или словачка. Они даже не здоровались – у неё своя компания, у него своя.

Так сложилось, что познакомиться им довелось в самом начале пятого курса, когда студентов института связи направили в колхоз. Хеленка всегда мечтала посмотреть, как живут люди в советской глубинке, но ехать туда просто так

на экскурсию, было как-то неразумно. Такая возможность представилась случайно: её одноклассница и лучшая подруга внезапно заболела, и девушкам удалось уговорить своего старосту пойти на небольшой обман. Так под именем Светланы Красновой в колхоз поехала Хелена Петрова.

Дешёвый портвейн, которым по дороге затарились весёлые студенты, был выпит в первый же вечер. Хеленка тогда пила только горячий чай, заваренный прямо в ведре, и с улыбкой наблюдала, как захмелевший Фагот, который всегда был заводилой, пытается обольстить всех девушек одновременно. Полуэкт вёл тогда себя намного скромнее – возможно, именно это сыграло главную роль в их отношениях, которые в тот момент только начинали завязываться.

Ещё в колхозе Полуэкт выяснил, что Хеленка увлекается музыкой, в частности рок-операми Алексея Рыбникова, и после возвращения из колхоза, вместе с Фаготом они придумали план, как вытащить двух подружек, Светку и Хеленку, в студию на Рубинштейна на прослушивание новой рок-оперы Рыбникова на высококачественной аппаратуре. По одиночке девушки вряд ли бы пошли по гостям, а такой расклад не вызвал у них никаких подозрений, и они согласились.

Полуэкт попросил имеющего обширные связи Никиту, который мог достать практически всё, а при острой необходимости мог даже организовать доставку на землю лунного грунта, достать дефицитный двойной альбом с «Юноной

и Авошь». А Фагот переписал рок-оперу на студийный магнитофон. А затем путём сложных манипуляций приятелям удалось сделать так, что в последний момент пары разделились. Таким хитрым способом Полуэтку удалось затащить Хеленку к себе в гости, а Фагот увёл Светку Краснову в свою студию.

Полуэкт широко распахнул квартирную дверь и сделал пригласительный жест рукой – так по его мнению действовал бы граф Резанов при первом свидании с Кончитой.

– Не волнуйтесь, сеньорита, русо связисто – облик морале, – сказал он приложив к своей груди руку. – Приставать не буду. Встреча пройдёт в тёплой и дружественной обстановке. Проведу до общаги и даже обниматься не полезу, честное пионерское.

Он всё-таки втайне надеялся, что ему удастся раскрутить эту недотрогу хотя бы на поцелуй. На вечерних колхозных посиделках, когда влюблённые парочки незаметно отходили от костра, чтобы недолго побыть наедине, Хеленка сидела рядом исключительно со своими подружками и категорически отвергала все его попытки познакомиться поближе. На первом свидании, на которое ему всё-таки вытащить тогда, в колхозе, она сразу расставила рамки, дав ему понять, что она воспитана в строгих православных традициях. Для Полуэкта это было неожиданностью – его предыдущие знакомства, как правило, быстро переходили в стадию телесного сближения, правда, эти знакомства так же быстро и закан-

чивались. А тут такая недотрога.

– Ух ты, в жизни не видела столько книг. Как в библиотеке! – Хеленка с восхищением рассматривала книжные развалы.

– Библиотека и есть, – гордо сказал Полуэкт. – Вот эта комната, например, так и называется, читальня. Заходи, почувствуй себя, как дома.

Ему казалось, что читальня, самое подходящее место для первой стадии долгожданного свидания, и он заранее приготовил такой сценарий: сначала лёгкий фуршет с вином при свечах в читальне, а затем они переходят в его комнату и слушают на вертушке рок-оперу. Потом Хеленка непременно попросит его что-нибудь спеть, и он возьмёт гитару. А дальше всё должно пойти как по маслу – хиты «Машины времени» и «Воскресенья» в его исполнении в подобных случаях действовали безотказно.

Однако Хеленка проследовала мимо читальни и заглянула в комнату Алекса.

– А это твоя лаборатория? – спросила она увидев гирлянды проводов, которые у любого студента технического вуза должны были вызвать невольное уважение.

– Нет, это комната брата. Он программист. Почти всё время в командировках и дома бывает редко, потому тут такой беспорядок. Да ты проходи, не стесняйся.

Она шагнула внутрь и огляделась.

– Фантастика. Как в звездолёте. Как с этим можно разо-

браться? Наверное, есть специальная схема?

Полуэкт улыбнулся.

– Схемы никакой нет. Вообще-то, это называется «на соплях», но про звездолёт я брату передам, ему будет приятно.

Над стене перед рабочим столом Алекса красовался плакат с надписью: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

– Кто автор? – поинтересовалась Хеленка.

– Козьма Прутков. Слыхала?

– Конечно. Это же он сказал, что невозможно объять необъятное? Я всегда этим успокаиваюсь, когда чего-то не знаю. Теперь будет ещё одно прикрытие. А это кто? – она кивнула на фотографию Полины.

– Его невеста. Она живёт в Москве.

– Красивая. А когда они поженятся?

– В следующем году. Кстати, как раз после наших дипломов. Поедем?

– Поглядим. До диплома дожить ещё нужно, – уклонилась от прямого ответа Хеленка. Она внимательно оглядела со всех сторон полуразобранный электронный хлам, которым был завален стол брата, и остановила свой взгляд на компьютерной клавиатуре.

– А это что, настоящий компьютер? Ты тоже программируешь?

Полуэкт замялся. Алексу так и не удалось привить ему

любовь к программированию. Даже компьютерные игры не смогли его увлечь – бесконечные репетиции и околomuзыкальные тусовки отнимали у него всё свободное время. Всё чаще это происходило даже в ущерб учёбе.

– Так, иногда. Это Зет Икс Синклер. В простонародье – Спектрум. Про то, что он бортовой компьютер на звездолёте Зет Икс Синклер узнал только сейчас.

– А можешь его включить? – Хеленка с интересом рассматривала разноцветные кнопки.

Включить компьютер большого труда не составляло, но что с ним делать дальше? Заводить этот «бортовой компьютер» умел только брат. Сначала нужно вставить специальную дискету в дисковод и попробовать загрузиться с неё. А если дисковод забарахлит, как не раз бывало, тогда вместо него нужно подключить старый кассетный магнитофон, который тоже часто капризничал, зажёвывая плёнку. Всё это таинство напоминало Полуэтку ритуальные пляски с бубном, и он обычно только наблюдал за этим со стороны.

– Вынужден вас огорчить, сеньорита. Этот агрегат просто так не заводится. Все программы записаны на кассетнике, который мы с братом никак не починим. До всего руки не доходят. Давай в следующий раз, ладно?

Хотя Хеленка внешне не подавала виду, Полуэтку показало, что она немного расстроилась.

– Конечно, – ответила она.

Полуэтку было немного неловко, что со Спектрумом по-

лучилось так глупо. Ему хотелось любыми способами заинтересовать девушку, и он подумал, что стоит немного изменить сценарий их первого свидания, чтобы оно запомнилось своей необычностью. Он мог бы рассказать ей всё, что успел узнать о Зазеркалье, но боялся, что без демонстрации магической системы его рассказ будет звучать слишком неправдоподобно. И тогда он решил поделиться с ней всем понемногу, той небольшой долей информации на совсем привычные для подобных свиданий темы: мистика, эзотерика, психология и религия – словом, всем, что отложилось в его сознании после общения с Алексом и Захаром. Но продолжать разговор здесь, в комнате брата было неудобно, тем более, ужинать. Свидание без ужина, конечно, очень оригинально, но такое свидание рискует оказаться последним.

– Тогда может перейдём в читальню, перекусим? — предложил он.

– В смысле поедем? А почему не на кухню?

– Там у нас мебельный завал. В читальне будет удобней.

В читальне, как и задумывалось, царил полумрак. Чтобы придать строгой кабинетной обстановке больше таинственности и загадочности, Полуэкт зажжёт заранее приготовленную свечу в старинном бронзовом подсвечнике.

– Ужин при свечах, так романтично...

– Присаживайтесь сюда, сеньорита. Я сейчас всё организую.

Хеленка уселась в широкое кресло, где при желании мож-

но было улечься, свернувшись калачиком. Полуэкт клацнул переключателем катушечного магнитофона и запустил «Обратную сторону Луны», совсем не случайно приостановленную в нужном месте.

– Здорово тут у вас. Только есть пока не хочется. Твои родители, наверное, были учёными? – спросила она, оглядывая шкафы со старинными книгами.

– Нет, отец был учителем, а мама врачом. Эти книги остались ещё от наших дедушек с бабушками.

– А вы с братом, значит, не стали продолжателями гуманитарных традиций? Кстати, интересно, где учат профессиональных программистов?

– Алекс в своё время закончил Китежградский институт информации.

– Не слыхала о таком...

– Многие не слыхали, потому что институт был секретным.

– А почему был, его что, закрыли?

– Фактически, да. Остались только рожки да ножки.

– В каком смысле? Извини, я иногда путаюсь в ваших фразеологизмах.

– Это ты извини. Ты так хорошо говоришь по-русски, что я всё время забываю, что общаюсь с иностранкой. Постараюсь учесть, – улыбнулся Полуэкт. – В смысле, от института практически ничего не осталось. Только небольшое конструкторское бюро

– А что изучали в этом институте?

– Информацию. Вернее, всё, что с ней связано.

– Секретную информацию?

– Всякую. В том числе и секретную. С помощью информации можно управлять людьми. – Полуэкт решил начать издалека. – Ты когда-нибудь задумывалась о том, откуда берутся человеческие мысли?

– Ну, мы их сами придумываем.

– А как?

– Не знаю. Соображаем как-то.

– Вот именно, соображаем. Мы мыслим образами. Такой у нас образ мышления. И это не игра слов. В русском языке заложены подсказки, их просто нужно уметь находить. Слово «образ» одно из самых важных слов. И слово «соображать» обозначает сравнивать образы. Мысли не приходят в голову из ниоткуда. И когда человеку кажется, что это исключительно его заслуга, что в его сознании родился образ чего-то или кого-то, его можно разочаровать. Это не совсем так. Подобное уже однажды было. Мы просто берём и сравниваем возникший в нашей голове образ с тем, который нам предоставило наше подсознание и ищем ему подобный. Тебе не скучно, сеньорита?

– Нет, интересно, продолжай.

– Итак, если образы совпадают или чем-то похожи, мы их оставляем себе. То есть, такую информацию мы воспринимаем нормально. Если что-то не так, мы начинаем удивлять-

ся, сомневаться и откладывать на потом, чтобы при удобном случае разобраться. Многие такую информацию тут же отвергают, но она никуда не девается, а до поры до времени растворяется в информационном шуме, как нераспознанный сигнал в радиоэфире. А таких людей, которые всё непонятное сразу отрицают, жалко, но речь сейчас не о них. Получается, что наши мысли – это те образы, в которых мы нашли какой-то смысл. Осмыслили их. Такие мысли превращаются в знания, опыт, всевозможные рецепты и технологии, которые переходят от поколения к следующему поколению. И вся эта информация, накопленная веками, хранится в ноосфере нашей планеты. Представляешь, вокруг Земли есть такая невидимая сфера, где хранится разум её обитателей.

Полуэкт широко раскинул руки в стороны, словно пытался ими охватить то ли всю планету, то ли одну из её разумных обитательниц. Хеленка даже слегка посторонилась в своём кресле.

– Да, сеньорита, наши мысли, как и мысли всех живых людей, накапливаются в ноосфере, – продолжал он, улыбнувшись. – И сейчас информации там стало настолько много, что она вот-вот хлынет через край. И люди стали задумываться над тем, как эту информацию привести в порядок, чтобы лучше её обрабатывать. Чтобы отсеивать лишнее, оставлять самое ценное и быстро находить нужное. Сам человек уже не справляется с такой задачей – мозгов не хватает. И люди стали придумывать всякие другие способы: каль-

куляторы, ЭВМ, компьютеры. Алекс говорит, что в Союзе всюду идут работы по созданию огромной информационной сети и искусственного интеллекта. Вернее, шли до того, как Китежградский институт расформировали

– Там делали компьютеры?

– Нет, не компьютеры. Другие информационные системы, намного мощнее, чем компьютеры и ЭВМ. Интересно?

– Очень интересно, продолжай.

– Хорошо, – оживился Полуэк. – Так вот, информация в ноосфере открыта для всех. Мы плаваем как рыбы в огромном информационном аквариуме, мы пользуемся общей информацией и даже не подозреваем об этом. Информация оседает не только в нашем сознании, которое у каждого своё. Китежградские учёные выяснили, что гораздо большая часть информации находится в нашем подсознании, которое соединяется с ноосферой особыми волнами. Эти волны, как тонкие невидимые нити соединяют нас друг с другом и с ноосферой. Их назвали М-волнами. Легко запомнить, М-волны – мыслительные волны. И если определённым образом дёргать за эти нити, людьми можно управлять.

– Я правильно поняла, что с помощью общей для всех информацией одни люди могут управлять другими? Тогда почему институт был секретным? И второй вопрос. Если такая секретность, почему ты об этом знаешь? Выходит, твой брат разболтал тебе секретную информацию, а ты разболтал её мне? Хороша секретность.

– Да, ты всё правильно поняла. Людьми можно управлять или манипулировать, в зависимости от того, чего хотят достигнуть. Институт создавался именно для управления, а секретность нужна была как раз для того, чтобы этой информацией не воспользовались те, кто собирается людьми манипулировать в своих собственных целях. А что касается разболтал, то даже как-то обидно это слышать, девушка. – Полуэкт улыбнулся, заметив смущение Хеленки. – Я шучу. Действительно, институт был секретным. Ключевое слово «был» – его рассекретили после закрытия. Хотя можно было и не рассекречивать, всё равно мало кто верит, что с помощью каких-то непонятных волн можно творить настоящие чудеса. Алекс рассказывал, что в Китеже изобрели М-волновые устройства, с помощью которых прямо на глазах можно создавать разные предметы. Ты же, например, не поверишь если я скажу, что могу тебе прямо из воздуха материализовать букет?

– Поверю, если ты сделаешь это.

– А если сделаю, что мне за это будет?

– Вот когда сделаешь, тогда и посмотрим, – улыбнулась Хеленка. – Рассказывай дальше, мне интересно.

– Очень рад. Итак, с помощью М-волн информация из человеческого подсознания группируется в энерго-информационных сгустках, которые называются эгрегорами. Оказывается, этих эгрегоров в ноосфере – пруд пруди.

– Пруд чего?

– Извини, снова забыл, – улыбнулся Полуэкт. – Другими словами эгрегоров в ноосфере огромное количество. Как электромагнитных волн в эфире. Разной мощности и разной направленности. Хотим мы этого или не хотим, но каждый человек подключен к эгрегорам и взаимодействует с ними, даже не подозревая об этом. Как говорят умные психологи, через подсознательные уровни психики.

– А ты читаешь книги по психологии? – удивлённо вскинула брови Хеленка.

– Не читаю. Но зато общаюсь с одним из авторов таких книг. У Алекса есть старый школьный приятель, Захар, доцент кафедры психологии в нашем универе. Тут у нас иногда проходят домашние семинары.

– Здорово... Мне всегда было интересно разбираться со всякими гуманитарными науками, а родители так не считали. И вот я технарь, – вздохнула с сожалением Хеленка.

– А мне, наоборот, раньше это всё было неинтересно. Знаешь как они называют гуманитарные науки? Противопоставленными. В отличие от естественных и точных наук, которые нам с тобой приходится изучать. Но такие семинары – полезная штука. Захар увлёкся информатикой, а Алекс психологией. А однажды зашла речь о нейролингвистическом программировании. Вот, например, я произнесу всего два слова, два совершенно не связанных по смыслу слова, но ты сразу же меня поймёшь и закончишь фразу. – Полуэкт выждал паузу и произнёс: «звезда и смерть».

– Хоакина Мурьеты, – Хеленка улыбнулась.

– Классно, да? Пару лет назад я и знать не знал, кто такой Хоакин Мурьета. Да и ты, наверное, не знала. А сейчас всего два слова, по сути, набор звуков определённой частоты и последовательности всколыхнули в твоём сознании целую гамму образов и чувств. А всё потому, что мы с тобой сейчас подключены к одному и тому же эгрегору, который называется «поклонники рок-оперы Алексея Рыбникова». По сути, мы с тобой на одной М-волне. У фанатов «Зенита» свой объединяющий эгрегор, у любителей путешествовать автостопом свой. Короче говоря, чем больше у людей общих интересов, тем крепче они связаны друг с другом. Словом, в информационном океане много всевозможных эгрегоров. Их объединяющая сила хорошо чувствуется на стадионах, концертах и в церковных храмах. Есть родовые эгрегоры, языковые, по интересам и профессиям. По чувствам... – Он взглянул на Хеленку и как-то странно улыбнулся. – А хочешь... Хочешь я сейчас скажу всего два слова, а ты закончишь мою мысль?

– Нет. Не нужно. Я всё поняла... – слегка смутилась Хеленка. – В смысле всё поняла про эгрегоры. Так интересно, что даже есть захотелось, – улыбнулась она.

– Уно моменто, сеньорита!

– Только не забывай, что вино я пить не буду. И тебе не советую, – крикнула Хеленка вслед убегающему Полуэкту.

Полуэкт уже гремел посудой на кухне. Заготовленное

шампанское он убрал подальше в холодильник, а оттуда достал две бутылочки пепси, сыр и сливочное масло. Быстро обжарив на масле кусочки батона, он посыпал их сверху тёртым сыром и красиво уложил бутерброды на плоские фарфоровые тарелки из старого родительского сервиза. Подноса в доме не было, и он использовал вместо него большую пластиковую крышку от катушечного магнитофона. Через несколько минут Полуэкт вернулся в комнату с импровизированным подносом, где кроме тарелок с бутербродами и пепси, стояли два высоких фужера и хрустальная ладья с дольками яблок, и лежала коробочка шоколадных конфет, чудом сохранившаяся после Нового года.

– Буэнос апетитос, сеньорита. Перевожу на русский: приятного аппетита, девушка, – весело сказал он.

– Крутечно! Как в кино! – так же весело воскликнула Хеленка, поудобнее усаживаясь в кресле.

– А что значит крутечно? – на всякий случай поинтересовался Полуэкт. Он стоял перед ней с подносом, слегка пригнувшись, как услужливый официант.

– Перевожу на русский: великолепно, отлично, круто. Это я придумала. Смешала словацкий и русский и получилось новое словечко. Короче, зачёт тебе за сервировку, юноша, – сказала Хеленка и аккуратно, чтобы не накрошить, подхватила с тарелки бутерброд.

– А можно юноше присесть рядом?

– А чем его стул не устраивает?

Хеленка хитровато прищурилась, но сдвинулась в сторону, освобождая большую часть кресла. Усевшись рядом, Полуэкт ощутил тонкий запах её духов. Светка Краснова говорила, что это очень дефицитные и дорогие французские духи «Climat»

– Твой отец, кажется, русский? – спросил он, приступая к трапезе. На самом деле вся доступная информация о Хеленке была уже давно собрана, и Полуэктору просто хотелось поддержать разговор.

– Наполовину. У меня дедушка русский. Он давно уже умер, но в нашей семье всегда говорили и говорят по-русски. И фамилия Петрова мне досталась русская. Правда, произносится она немного иначе.

– Я знаю, что иначе, – улыбнулся Полуэкт. Он много раз мысленно произносил её фамилию Петрова, пытаясь понять, как словаки умудряются сделать два ударения в одном слове.

– А Хеленой меня назвали в честь бабушки. Она умерла ещё раньше деда, я её совсем не помню. А почему тебя называли Полуэктом?

– Очень просто. Я у родителей поздний ребёнок. Мама шутила, что меня вынашивали не девять месяцев, а девять лет. И долго думали, как меня назвать. Алекс тогда как раз увлекался древнегреческим, а Полуэкт в переводе с этого языка означает долгожданный и желанный. Поэтому, когда я появился на свет, меня так и назвали.

– Они давно умерли, твои родители? – осторожно спроси-

ла Хеленка, прекратив жевать бутерброд.

– Скоро уже пять лет. Ушили друг за другом: сначала отец, а потом мама... После смерти отца, она сразу сказала, что долго без него не протянет. Так и вышло...

– Ясно... А ты чувствуешь, как мы потихоньку подключаемся к эгрегору сытых людей?

– И это нас ещё больше сближает?

Хеленка неопределённо пожала плечами.

– Я не сказала «нет», милорд.

– Может нам тогда пора переместиться в мою комнату, и послушать «Юнону»?

– Только поднос возьми с собой. Обожаю яблоки.

Всё шло по намеченному плану, но как только стихли финальные аккорды «Юноны», Хеленка взглянула на настенные часы и решительно поднялась.

– Пора.

– Ты куда? Еще вагон времени. В смысле, ещё совсем рано. – Полуэкт уже успел пожалеть, что не перевел стрелки на пару часов назад. – Давай ещё посидим. Хочешь, я ещё яблок принесу?

– Нет, спасибо тебе за чудесный вечер.

Не теряя надежды, он попытался её обнять, но Хеленка ловко увернулась.

– Давай не будем всё портить. Ты же хочешь, чтобы я ещё сюда пришла? Мне у вас очень понравилось.

– Я гитару притащил, думал, поиграю тебе...

– Конечно поиграешь. В следующий раз. А сейчас проводи меня до общежития, тебе нужно будет ещё успеть обратно вернуться, до мостов.

По её тону было понятно, что она несколько не колеблется, и Полуэкту пришлось смириться.

– Хорошо. Только давай договоримся, что в следующий раз ты никуда спешить не будешь. И ночевать останешься на Рубинштейна – места у нас предостаточно. Твоё доверие, надеюсь, я заслужил?

Хеленка снова неопределённо пожала плечами, и Полуэкт, сдерживая волнение, осторожно заметил:

– Вы не сказали «нет», мадам...

А когда они прощались у общаги, и он снова попытался её поцеловать, она мягко отстранила его лицо тёплой рукой и неожиданно сказала:

– А давай проверим нашу волну. Я скажу несколько слов из одной песни, а ты... а ты ничего не скажешь. Ты просто вспомнишь окончание этого куплета.

– Давай, – ответил Полуэкт. Ему снова пришлось приводить своё сердцебиение в норму.

Хеленка смешно прищурилась, и произнесла:

– «Южный ветер ещё подует». Ну, знаешь?

В голове в Полуэкта происходил мозговой штурм. С повышенной скоростью кассетного магнитофона он прокручивал в своей памяти все известные ему песни, и не мог вспомнить, в какой из них он слышал эти слова.

– Нет, не помню. Скажи ещё строчку.

– Вот и вспоминай, не скажу, – хихикнула Хелелка и убежала, махнув ему с крыльца рукой.

Добравшись домой, он первым делом побежал к Фаготу, чтобы вернуть гитару. Тот был один. На столе стояла бутылка портвейна, и Фагот молча курил, глядя в полупустой стакан.

– Ну что, и у тебя, похоже, полный пролёт? – криво усмехнувшись, спросил он. – Двух наивных чукотских мальчиков обвели вокруг тоненьких пальчиков. Дринкнешь со мной?

– погоди. Ты не помнишь, в какой из песен есть слова «Южный ветер ещё подует»? В голове вертится, а вспомнить не могу.

Фагот удивлённо посмотрел на приятеля:

– Ты что, больной? Чего это тебя на попсу потянуло? Это Пугачихи песня.

– А слова знаешь? – обрадовался Полуэкт.

– А я, по-твоему, больной? Я тебе квинов наизусть выдам, а попса всегда мимо ушей пролетает. Пей давай. – Он налил ему в стакан.

– Да погоди ты, – отмахнулся Полуэкт. – А может, у тебя запись есть? Очень надо.

– Точно заболел, – проворчал Фагот. – Была где-то плёнка – у меня тут ещё один больной живёт, попсу коллекционирует.

– А где он?

– Я всех разогнал, думал со Светкой тут поторчать... Э-эх... Но если так припёрло, сейчас поищу. Пей пока.

Нужная кассета была обнаружена достаточно скоро.

А знаешь, всё ещё будет!

Южный ветер еще подует,

и весну еще наколдует,

и память перелистает,

и встретиться нас заставит,

и еще меня на рассвете

губы твои разбудят...

Дослушав до этого места Полуэкт просиял и, хлопнув Фагота по плечу, вскочил, явно собираясь уходить.

– Ты куда, а дринк?

– У меня аскеза. Сам пей. Кстати, и тебе советую завязывать.

– Совсем больной, – пробормотал Фагот, глядя вслед убегающему приятелю.

Глава 5. Михалыч

Магия, лишенная сказочных атрибутов и внедренная в будничную жизнь, перестает относиться к области мистического и загадочного

Вадим Зеланд

11 ноября 1982 года

Дождливым осенним утром раздался неожиданный звонок в дверь. На пороге ковалёвской квартиры стоял невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти в кепке и кожаной куртке.

– Ну что, не ждали, братья-разбойники? Чуть не прозевал вашу подворотню. Сто лет здесь не был, – пробасил мужчина, добродушно улыбаясь.

– Михалыч! – радостно воскликнул Полуэкт. – Дорогой и уважаемый, Михалыч, заходи скорее! – Он подхватил из рук гостя увесистую дорожную сумку, и посторонился, освобождая проход.

Об этом удивительном человеке ходило много легенд. Одни говорили что он потомок самого Ломоносова. Якобы когда-то давно великий русский ученый, гостивший в одной из сибирских деревень, помог радушной хозяйке зачать сына, которого потом нарекли Михаилом. И с тех пор в этом роду повелось называть сыновей Михаилами, а когда они повзрослеют, величать Михалычами. По другой из версий, молодой студент Китежградского информационного института Михаил Михайлович Зарубин, работая в строительном отряде, отрастил окладистую бороду и сразу стал выглядеть лет на десять старше своих друзей. Они стали называть его не Мишкой, как раньше, а Михалычем. Бороду он потом

сбрил, но Михалычем остался, видимо, до конца дней своих. Как было на самом деле, неизвестно. По этому поводу сам Михалыч шутил, что это не отчество, а национальность. Михалыч – он и в Африке Михалыч.

– Ну не сто лет, а всего четыре года, – уточнил Алекс, обнимая старого приятеля.

Михалыч был старше его и по возрасту и по рангу. Одно время они сожительствовали в институтском общежитии, и Михалыч, который тогда преподавал на кафедре прикладной магии, был его наставником. В те времена он часто бывал в этом доме, где его всегда принимали как дорогого гостя. Особенно радовался ему Полуэкт. У Михалыча был густой, как у артиста Бориса Андреева, бас, и однажды перед самым Новым годом он заявился к ним в дом, переодетый в Деда Мороза. Это было настолько для всех неожиданно, что хозяева долгое время не могли сообразить, кто это к ним пожаловал. С тех пор у Полуэкта, которого этот Дед Мороз завалил подарками, Михалыч стал ассоциироваться с добрым волшебником. Впрочем, так оно и было – Михалыч был настоящим магом.

– Последний раз ты приезжал сюда с Тимуром, – вспомнил Алекс.

– Да, верно. Но сейчас меня леший попутал, прошёл мимо вашей подворотни. Потом увидел стройку и сообразил, что нужно вернуться. Что там сооружают у вас на Рубинштейна?

– А Бог его знает, – пожал плечами Алекс. — Там всё

время что-от сооружают, а потом начинают пересооружать. Ищут, видать, новые архитектурные решения. Раздевайся, проходи пока в читальню, а потом определимся, где будешь обитать. Полуэкт, тащи гостю тапочки.

Михалыч повесил кепку на крючок, а тяжёлую от дождя кожаную куртку отдал подоспевшему Полуэкту. Потом обул тапочки и оглядел прихожую.

– А у вас ничего не изменилось, – сказал он приглаживая короткий «ёжик».

– Да и ты не особо изменился, Михалыч. Только поседел ещё больше. Ну, проходи.

Войдя в читальню он снова огляделся.

– А тут перестановку сделали. Теперь у вас здесь настоящее книжное царство. А это всё, что осталось от вашего чипстоуна? – Михалыч аккуратно поставил свою дорожную сумку рядом тумбочкой, на которой лежали части булыжника. – Всё собрали?

– Всё, до крупниц, – заверил Полуэкт.

– А вода есть?

Алекс молча открыл дверцу холодильника, демонстрируя ёмкости с магической жидкостью.

– Тогда полечим, – кивнул Михалыч. – Только вечером. У меня полно дел в Ленинграде. А это вам гостинцы из столицы. От меня и от одной доброй женщины по имени Полина. – Он зашуршал пакетами, извлекая гостинцы из сумки.

– Спасибо, Михалыч, – расцвёл в улыбке Алекс. – Полу-

экт, тащи всё это добро в кухню и приготовь завтрак. Как она там?

– Неужто не знаешь? Каждый день, небось, перезваниваетесь.

– Перезваниваемся, но по телефону, сам понимаешь...

– Нормально всё у неё. Цветёт аки яблоня. Забегала ко мне вчера со Стеллой.

– Я в курсе. А ты всё один хозяйничаешь?

– Ну почему – один? С Айей, с домовихой. Мне живых людей, видать, не положено, – усмехнулся Михалыч. – Да и некогда мне, мотаюсь по всей стране.

– Консультируешь?

– Всяко бывает. Кого консультирую, кого лечу. Кого словом лечу, а кого и делом. А ты, я слышал, тоже из командировок не выныриваешь?

Алекс кивнул.

– Выныриваю, но крайне редко. В следующем году обещают более спокойную работу. Полина говорила тебе, что в июне у нас свадьба? Надеюсь, тебя никуда не унесёт?

– Говорила. Ничего обещать не могу, но постараюсь. Свадьба – дело хорошее. От свадьбы детишки бывают, – подмигнул Михалыч. – Кстати, Стелла тут по секрету сказала...

– Не нужно, Михалыч, – неожиданно резко перебил его Алекс. – Ты же знаешь, не люблю я этого. Всему своё время.

– Прошу к столу, – крикнул из кухни Полуэкт.

– Пошли лучше завтракать, там и обсудим наши ближай-

шие планы.

– А это теперь твоя комната? – спросил Михалыч, заглядывая в комнату Алекса. – Ну и беспорядок ты тут развёл.

– И ты туда же. Это не беспорядок, а определённый порядок. Домовихи у нас нет, поэтому все вещи у нас лежат на своих определённых местах.

– А здесь, стало быть, теперь живёт Полуэкт? – Михалыч с любопытством заглянул в комнату, которая раньше считалась гостиной. – А вот у него порядок. А это что за баррикады? – удивлённо спросил он, заходя в кухню.

Кухня была самым тесным помещением в квартире на Рубинштейна, потому что почти всё свободное кухонное пространство было заставлено старой мебелью, которая перекочевала сюда из квартиры Фагота, после того как её перенесли в студию.

– Эти баррикады скоро должны переехать на дачу к Захару, психологу, я тебе про него рассказывал. Пролезай туда, к холодильнику. Ты в Ленинград надолго?

– Послезавтра обратно, если раньше не выгоните. – Михалыч пристроился в углу, протеснившись между столом и холодильником. – Если ты про культурную программу, то ничего придумывать не нужно. Свозишь меня в завтра с утра на ваш толчок? – неожиданно спросил он.

– На толчок? – удивился Алекс. – Свожу, конечно. А что ты там потерял? – Он налил всем чай и стал раскладывать

по тарелкам яичницу с колбасой, которую успел приготовить Полуэкт.

– Не я потерял, а ты. Разве тебе не нужен дисковый накопитель для твоего Синклера? Так вот, завтра на толчке мы с тобой его и купим.

– Всё ясно. Стеллочкины штучки, – рассмеялся Алекс.

Полуэкт с недоумением посмотрел на брата.

– А кто такая Стеллочка?

– Одна наша общая знакомая, работали вместе в Китеже.

Подруга Полины. Это она нас познакомила.

– А причём тут Синклер и толчок?

– А-а, ты об этом... Не обращай внимания. Стелла, она как Никита, может достать всё, что угодно. Только у неё свои методы и свои связи. – Алекс перевёл разговор на другую тему. – Михалыч, насколько я понимаю, это твой знаменитый алтайский мёд? Чтоб ты знал, Полуэкт, наш Михалыч – великий пчеловод. У него где-то в алтайских краях даже пасека своя есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.